

Андрей Иванов

Странники Вечности и Земляне

Повесть об одной жизни на планете
№142571 и новые рассказы

Андрей Иванов

**Странники Вечности
и Земляне. Повесть
об одной жизни на планете
№142571 и новые рассказы**

«Издательские решения»

Иванов А.

Странники Вечности и Земляне. Повесть об одной жизни на планете №142571 и новые рассказы / А. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745805-8

Было очень странно наблюдать, как они рубили зимой деревья для праздника. А через день выкидывали эти деревья в мусор. Деревья было жаль. И людей. Они очень любили своих родственников и легко могли убивать не своих родственников. Они были разделены, каждый сам по себе. Они шли по головам и трупам, чтобы стать первыми в своей стае. Люди ревновали, завидовали, воевали, крали, отнимали, убивали и находили причины, чтобы объяснить это. Очень странные существа. Но было в них и кое-что совсем другое.

ISBN 978-5-44-745805-8

© Иванов А.
© Издательские решения

Содержание

ПОВЕСТЬ ОБ ОДНОЙ ЖИЗНИ НА ПЛАНЕТЕ №142571	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Странники Вечности и Земляне Повесть об одной жизни на планете №142571 и новые рассказы

Андрей Иванов

© Андрей Иванов, 2017

ISBN 978-5-4474-5805-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фото из личного архива автора

ПОВЕСТЬ ОБ ОДНОЙ ЖИЗНИ НА ПЛАНЕТЕ №142571

Эпиграф

«... Шанс даётся не один раз. Ты спишь и видишь сон. В твоих снах и отгадки и новые шансы. Но тебе нравится только сам сон. Проснись и сделай это...»

Тогда исполнится то, о чём ты так мечтаешь. Правда тебе это будет уже не нужно, но хотя бы тогда ты будешь знать это...»

АВИ

...Проводник держал Странника за руку. Вдруг он поднял взгляд с обмякшего тела и с чётко выраженной тревогой глянул в глаза Видящему. Что-то пошло не так...

– Он уходит! – Коротко отрезал Проводник. – Мне туда нельзя. Что делать?!

Дыхания уже нет. Видящий приложил ладонь к шее Странника. Пульса тоже практически нет.

– Варианта два. – Ответил он. – Первый. Можем вернуть. Но тогда он останется на всю жизнь сумасшедшим уродом, инвалидом. Вряд ли Странник этого достоин. Это во-первых. А во-вторых, он нам этого никогда не простит. Вариант два. Можем рискнуть и отпустить его в бездну. Но риск слишком велик, что он там и сгинет. У нас всего минуты три на выбор.

– Нет! – Задумчиво проговорил Проводник. – Есть ещё третий выход. И даже четвёртый.

– Говори!

– Переселить его и оставить в бездне. Тогда мы узнаем о ней больше.

– Хорошо, допустим. А четвёртый?

– Ликвидировать его тело и просто переселить. Но тогда он ничего не будет помнить.

И не узнает не только нас, но даже и самого себя. Никогда.

Минуту оба молчали. Лицо Странника начинало заметно сереть, а конвульсии конечностей усилились... Угасающей жизнедеятельности тела оставалось не более, чем на шестьдесят секунд...

– Ты уверен, что он сможет вернуться? – Видящий пытался пронзить Проводника штыком своего взгляда.

– Нет. Не уверен. Но ставки высоки. Предлагаю рискнуть. – Проводник наблюдал агонию умирающего тела и словно окаменел в своей задумчивости.

– Ты представляешь себе последствия, если он не вернётся, а достанется бездне? – Было заметно, что нервное напряжение момента достигло пика.

– Предлагаю рискнуть, Видящий! – Тихо, но настойчиво повторил Проводник.

Тело Странника уже обмякло, судороги прекратились вместе с полной остановкой пульса и дыхания. Влажный от пота, голый труп Странника на алюминиевом столе. Практически это был полный крах эксперимента по Внедрению.

– Делай! – Дико рявкнул Видящий. – Вместе с тобой подышать будем, умник. Или выигрывать. В конце концов ответственность на нас обоих. Странник был и твоим и моим другом.

– Почему был? Он уже там. – Расслабленно осклабился Проводник. – Вызывай труповозов. Кстати, здесь отвратительно воняет твоим перегаром. Фу, гадость. Что за пойло ты вливаешь в себя по утрам? Даже Странник побрезговал бы пить такое. Давай, угощу тебя чем-нибудь подороже.

Смеяться сил не было. Но оба улыгнулись, даже как-то по-дружески. Сразу полегчало. Назад дороги нет. Решение принято. Теперь только следить и ждать. В это мгновение Странник ожил и раскалённым жалом нового тела прожигал себе парсек за парсеком в мутной пустоте враждебной бездны.

А они расположились в лаборатории вполне уютненько. Мощная вентиляция. Свежеобмытые тела. Хорошее освещение и никакой трупной вони. Проводник левой рукой слегка придерживал запястье Странника, правой разливал коньяк. На алюминиевом столе порезанный лимончик. Рюмки, закуска, десерт. Красота. Почти, как в ресторане. Даже не скажешь, что морг.

Видящий тоже заметно расслабился и повеселел. После третьей ему захотелось поразглагольствовать...

– Возможности этих существ ограничены лишь их собственными представлениями об этих границах. А более ничем. – Проговорил Видящий. – Но, чем меньше они об этом знают, тем они счастливее.

– Ты пьян и ошибаешься, они мечтают о расширении этих границ. – Не согласился Проводник.

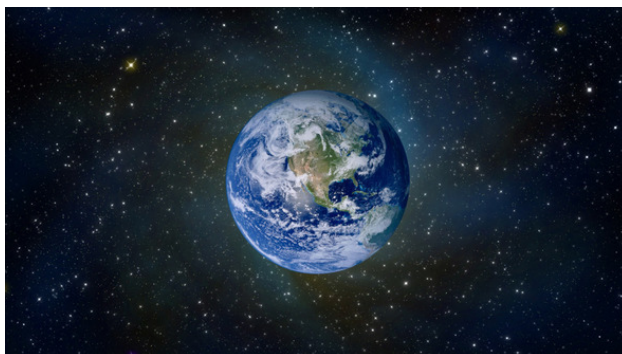
– Они мечтают лишь о власти и похоти, это дают деньги. Дай им денег, и посмотрим, кто из нас прав.

– Они слабы. Может дать им не деньги, а Силу?

– Силу они снова обратят во власть и похоть, их удел быстрое угасание, зачем этому мешать? Они обречены, ни одного верного не осталось, все продались. Они сами выбрали себе смерть.

– Ты прав. Давай ускорим их счастливый конец. – Усмехнулся Проводник и налил по пятой...

Звездолёт несётся со сверхбешеной скоростью в бездну космической пустоты и мрака. Благодаря своей шаровой форме и дополнительному вращению вокруг себя, корабль ввинчивается, как штопор, в безграничное пространство Вселенной.

Команда звездолёта семь с половиной миллиардов человеческих существ. Живых созданий, обладающих телами, умом, глазами, чувствами.

Существа живут в своих одно-, двух-, трёх-, четырёх-, пяти-местных каютах. В многоэтажных-сотах спят, едят, плодятся и умирают. Они забыли, что выходя из своих временных домов, коттеджей, многоэтажных кают-сот имеют над головой только безграничную бездну. Бездна только кажется голубым небом. На самом деле, цвет бездны не имеет цвета.

Умерших закапывают вглубь поверхности звездолёта или их сжигают в печах крематориев. Они тонут в водах, вмерзают в лёд вечной мерзлоты. Или просто перестают однажды дышать на своих домашних кроватях. Каждый день команда провожает 150 000 себе подобных существ.

Но они возвращаются. Они выползают в руки акушеров из чрева матерей. Они растут, стареют и снова уходят. И снова выползают, чтобы вскоре уйти навсегда. Каждый день 350 000 человеческих младенцев.

Она жена, она тащит домой тяжёлую сумку с кочаном капусты. Она зашла в овощной с работы. Там, в своей конторе, устала, дома ещё куча дел. Какие ей бездны, какие ей звездолёты, какой ей космос?!!!

Нужно всех накормить, проверить уроки у детей, выслушать мужа или старую мать. Ненадолго забыться сном. Проклинать быстро наступившее утро, и снова бежать зарабатывать на кусок пищи.

Он тоже устал от всего, ему всё смертельно надоело. И работа, и жена, и дети, и он сам себе надоел. Машина разваливается. Нужно готовить её к зиме. Хорошо бы поменять тачку. Но в кредит влезать тоже неохота. Неплохо бы завести любовницу помоложе. Но это опять деньги, риск, и вообще лень. Может она сама как-нибудь появится. А нет, так нет...

Скорей бы на пенсию. И не работать на дядю. Но, говорят, что на пенсии долго не живут. А, если и живут, то бедно, скучно и уныло.

15 миллиардов вытарщенных человеческих глаз пялятся во все стороны. Вся команда разрознена. Корабль один. Он летит. Но в другом отсеке корабля есть враги. Идут войны. Службы безопасности звездолёта – армия, полиция, ЦРУ, ФБР, ФСБ. Не справляются. Бандиты, мигранты носятся из одного отсека в другой. Может там жизнь лучше. Сытней. Безопасней. Богаче.

Триллионы других нечеловеческих глаз каждое мгновение ощупывают землю под ногами, траву, моря, реки, океаны. Черви ищут, где поест, муравьи тащат травинки в свой дом. Пчёлы несут нектар в свои соты. Рыбы под водой таращатся на китов, акул и дельфинов.

– Я хочу тебя. – Шепчет прыщавый подросток задумавшейся подружке.

– Да мало ли чего ты хочешь. Купи мне лучше мороженное. – Кокетливо отвечает девочка. Родители разрешают ей гулять не позднее десяти вечера.

Корабль летит дальше. В пустоту. Зачем? Куда? Никто не знает.

Над головами экипажа Вечная Бездна. Вечный полёт в никуда. Движение это Жизнь. Жизнь, заканчивающаяся всегда одинаково. Под крышкой гроба или горкой пепла в похоронной вазе.

Звездолёт без капитана. Как его сберець для следующих поколений команды? Как научить всю команду не врать, не красть, не убивать?

Как научить всех существ во всех отсеках **ОБЩЕГО НА ВСЕХ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ – ЛЮБИТЬ, БЕРЕЧЬ, ПОМНИТЬ и УВАЖАТЬ** друг друга?

А корабль молодец! Он летит и он один знает куда. Хоть и без капитана. Его обшивка ещё исправна, кислорода пока хватает на всех. Он летит вместе с галактикой, вместе с Солнцем, вместе с живыми пассажирами.

– На! Тебе твоё мороженное. – Сухо говорит парень.

– Сам теперь его ешь. А мне уже домой пора. – Капризно отвечает подружка. Она уходит. Он лижет мороженное и смотрит в потемневшее небо.

А корабль, не останавливаясь, продолжает свой Вечный Полёт.

Иванов не любил утро. Иванов любил курить.

Это особое таинство нового дня, проснуться и сразу закурить. Одновременно как то и противно во рту, и туманит разбуженный ум. Потом обязательно полагается надрывно кашлять. Кашлять и наблюдать, как кружится голова, сознание дёргается, и летают в глазах черные мушки или радужные круги. Отличное начало дня.

Затем необходимо сесть на диване и изобразить задумчивость. Для себя. Это обязательно. Осторожно, плавно встать, найти ногами тапки и поползти в туалет.

День продолжается.

В туалете случается первая утренняя медитация. Для этого Иванов соблюдает обязательный ритуал. Трусы должны быть спущены до самого низу. Поза сидячая, расслабленная. Отсутствие мыслей в голове и предметов в руках. Чтобы ничего не отвлекало от процесса. Телефон брать с собой не разрешается. Ум молчит. Только покой и доверие телу.

Всё происходит гармонично и само собой. Тело избавляется от лишнего мусора. Приходит лёгкость, выползает улыбка. Здравствуй, новый день.

Главное начинать дела плавно, размеренно, не спеша, не суетясь и не думая. Тогда ждёт успех. Который заключается в отсутствии тревоги, волнений, планов и беспокойств. Никаких отвлекающих ожиданий и мечтаний тоже не полагается.

Потом мыльно-пузырьные процессы, смотрение на чьё то лицо в зеркале. Одевание тела с криканием, и всё так далее, по давно отработанному ритуалу. Заправление постели и довольство миром.

Особенно важно по утрам ни с кем не разговаривать. Ни с телефоном, ни с самим собой, и самое главное – не разговаривать с людьми, с мыслями и с кроликами.

Но и тут есть исключение. Это цветок. Розовая Орхидея. Важно пожелать ей вслух доброго утра. Спросить, как ей спалось. покормить специально отстоянной для неё водичкой.

Орхидея не молчит. Она отвечает тихой улыбкой и повышением настроения до нужной планки.

День продолжается... Теперь хорошо бы покормить тело...

Он заглянул в волшебный ящик на кухне. Тело попросило сыр, масло и варёное яичко. А лучше два, и с майонезом... Яички тёплые, они живые. Приятно...

Медитация продолжается. Рука включила плитку и чайник. Другая рука проверила достаточно ли в чайнике жидкости.

Как приятно ощутить попой мягкий стул. Всё происходит само. Плитка варит, чайник шипит. Ум молчит. А тело сидит. Это называется искусство жить и радоваться.

– Нужно бы, наверное, включить уже телефон, вдруг кто захочет мне что то сказать в ухо. Или не надо? Не знаю. Вот уж точно что, что мне не надо, так это сомнения, – сказала мысль.

Иванов распахнул кухонные занавески. За окном обычные движения, лениво ползут по дороге железные кони, снег, бело-чёрная картинка. Деревья не шевелят ветками, значит ветра нет. На небе серый свинец, солнца не видно. Хорошо. Природа...

– Зима, – сказала мысль.

– Да, – ответила ей вторая мысль.

Дворничиха за окном равнодушно шкрябает лопатой пространство перед подъездом. Ребёнок бежит впереди матери, весело подпрыгивает, проваливается в снег. Его мать такая вся серьёзная, следит за ним и чему то ему учит. Назидает. Это у них тоже называется жизнь.

А вот, и белая звезда выходит, согревая планету.

Небесный свет. Фото из личного архива автора

Орхидея уже поела и сыто смотрит на меня сверху. Она там живёт свою цветочную жизнь. На волшебном ящике. Она всем довольна. Сытая, довольная, молодая и красивая, у неё есть тепло и свет. Корешки её в земле горшка. И ей тоже всё нравится. Наблюдает за мной и молчит.

– Это хорошо. Люблю кушать молча. Пусть радио расскажет мне новости мира. А я помолчу. – Сказала Иванову новая мысль...

Буддистские учителя – ребята мудрые и внимательные. Придумали много хороших и полезных изречений. Иванов их любил и помнил.

Например, это:

«Твёрдое лучше пить, а жидкое жевать.» Это значит, что кушать нужно не спеша, ни на что не отвлекаясь. При хорошем свете, чтобы видеть еду ясно, в цвете, во всех красках и оттенках. Вдыхать аккуратно нежный аромат пищи. Смаковать во рту каждый кусочек. Тщательно и медленно всё пережёвывать. Ласкать языком каждую вкусятинку. Слушать внимательно как это продолжает свой Путь по пищеводу, в центр тела. И пусть весь мир подождёт.

Это Иванов относил ко всему, что делает его тело. Спать – значит наслаждаться отдыхом. Лучше без снов.

Медитировать – значит, отдаваться этому делу всем существом. Ничего не должно быть важнее и отвлекать.

Если случится секс, то абсолютно довериться телу, отключить суету ума, чувствовать и любить партнёршу всем организмом, всей душой. Всем сердцем в неё проникать и сливаться в одно целое. Будто она одна на всём свете. И будто после этой любви сразу умереть. Главное в процессе было, чтобы удовлетворение и радость получили оба. И желательно одновременно. На всю катушку. И несколько раз, пока не захочется отдыха или сна.

Искусство жизни Дух Странника понимал по-своему. Он был не религиозен. Не фанатичен, мало чему удивлялся. Но радовался искренне, по детски, всему, что заходило в его жизнь из внешнего мира. Страхи и страдания посещали Странника редко. Чаще всего Дух был ровен и спокойно расслаблен.

Дух знал, что он бессмертен и вечен. Поэтому он никогда никуда не спешил. Всегда старался во всём происходящем увидеть интерес и замысел судьбы. И всё делал по порядку, с любовью и проникновением в суть.

Фото автора из личного фотоархива

После завтрака к Иванову приходило Счастье. Оно ждало его всё утро. Терпеливо, смиренно, с любовью.

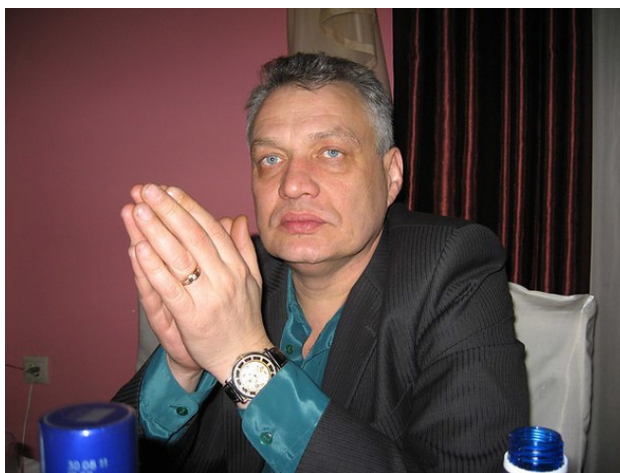
У Счастья было имя. Даже несколько имён. Иванов называл Счастье каждый раз по-разному. Вот далеко не все его имена. Погружение, Медитация, Радость, Покой, Внимание, Тишина, Проникновение, Блаженство, Наслаждение.

Дверь в комнату закрывалась. Зажигались три ароматные свечи. Шторы задёрнуты. Тихая приятная музыка. Мягкий диван, прямая спина. Отключенный телефон. Колокольчик звенит и НАСЛАЖДЕНИЕ набирает обороты.

Счастье обычно длилось примерно минут сорок. Дух свободно путешествовал сам по себе, где ему хотелось. Тело сидело и не ощущалось никак. Приходили и уходили вялые мысли. Дух то нырял в какой то океан теплоты и света. То выныривал и устремлялся вверх, опять к свету. Всё это не нуждалось в контроле и понимании. Чистая свобода. Чистое блаженство. Чистота, Свобода, Покой и тихая Радость.

Если Дух слишком увлекался и хотел продлить гуляние вне тела, то обычно приходила сонливость и тело засыпало. Это уже было совсем не то, что СЧАСТЬЕ. Это было хуже, грубей и примитивней. Когда после медитации СЧАСТЬЕ уходило, то приятное послевкусие от этого состояния не покидало Иванова весь день до следующего Погружения в себя.

Затем тело закуривало и с наслаждением слушало свои ощущения. Голова смотрела на дым и молчала. Мысли вяло плавали в киселе ума, но ум не хотел цепляться за них. Мысли проплывали, как рыбки в аквариуме. Никем не контролируемые, никто не заинтересовывался их плаванием. Откуда они приходили и куда уплывали Дух не знал. Ему это было не нужно. Мысли – это было совсем неинтересно, как то искусственно, и как то принудительно. А Дух ни к чему принуждаться не желал. Странник оставался свободным, лёгким, незаинтересованным и не вовлеченным в игры разума.

Тишина и душевный покой после медитации. Фото из архива автора.

Он не умел жалеть о прошлом. Разучился ждать что-то от будущего. Просто радовался всему происходящему. Радовался тихо, спокойно, смиренно и без прыгания до потолка. Эмоции приходили, не особо задевали чувства и опять уходили, сменяя друг друга. Духу оставалось за этим только наблюдать.

Жизнь в пространстве земной местности сначала показалась ему несколько непонятной, удивительной и даже очень странной. Ещё в детстве он заметил, что люди постоянно чем то недовольны, чего то всегда ждут, чего то всё время хотят. А, когда всё таки получают желаемое, то радуются совсем недолго. И снова придумывают себе новое желание. И опять начинают добиваться, ждать или страдать.

Пятьдесят земных лет назад Дух был откомандирован Советом на эту планету. Якобы по служебной надобности. Но Странник сразу догадался, что это ссылка. Даже знал за что.

Дома по работе иногда приходилось уничтожать целые галактики, по заданию Совета устраивать разные ловушки, типа «Чёрных дыр», сталкивать лбами звёзды и кометы. Стирать цивилизации, устраивать потопаы и другие катаклизмы.

Ничего такого вроде особенного. Но Странник почему-то это делать не очень любил. И всячески увиливал. Подыскивал разные причины, объяснял, оправдывался. И вот итог. Ссылка в это захолустье.

И всё-таки него был особенный Дар. Находить во всём что-то интересное, радостное, необычное и приятное для себя.

Когда пришло время воплотиться в тело человека, Дух стал интересоваться – а что же приятного здесь находят себе жители этого нового мира. Что их радует, что их интересует, что им приятно?

Открытий было много. Но Странник решил пойти обратным путём. Было важно сначала узнать, что они не любят, чего боятся, что им не нравится.

Дух быстро осознал, что земные жители не любят боли, не любят что то терять, не любят страдать и работать. Они очень боятся болезней, смерти, нищеты и уродства. Им очень не нравится своя жизнь, но и умирать они не хотят.

А любят они обладать, присваивать, хотеть то, что им совсем не нужно. Хотят быть выше других, богаче, красивей, умней, счастливей себе подобных.

Это было для Странника очень интересным и загадочным.

Люди всегда чего-то ждали, боялись, кого-то презирали или даже ненавидели. Считали себя умнее других, уничтожали живые существа или предавали их.

Было очень странно наблюдать, как они рубят зимой живые деревья для своего праздника. Зачем они это делают?! Ведь сразу после праздников, уже через день или неделю, выбросят эти деревья в мусор. Погибающие деревья, конечно, было очень жаль. Но, этих запутавшихся людей жаль ещё больше...

Они очень любили своих родственников, но легко могли убивать не своих родственников. Они были разделены, каждый сам по себе. Они шли по головам и трупам, чтобы стать первыми в своей стае.

Люди ревновали, завидовали, воевали, крали, грабили, убивали и всегда находили какие-то веские аргументы, чтобы объяснить себе и другим, что они правы.

Очень странные существа... Но было в них и кое что совсем другое. Они ещё умели любить...

Было в этих земных людях что-то детское, несмышлённое... Забавное, трогательное и глупое...

А самое главное, они в большинстве своём даже не догадывались, что они не какие то отдельные существа. А общий мозг этой планеты. Земля это тело, а мозг это каждый из них.

Как, скажем, каждый нейрон в мозгу человека не отделен от других, а является неотъемлемой частью всей Большой Организованной Группы (БОГ)...

Однажды, находясь в весёлом настроении, разыгравшийся Дух даже надиктовал Иванову вот такой смешной, забавный и радостно-светлый, полудетский стишок:

Встреча с Богом

Обнимаю Вечный Мир —
мой единственный кумир,
Воды, камни, небеса,
– это Божьи чудеса.
И деревья, и цветы,
Так красивы, так чисты!!!

Облака плывут по небу —
машут сверху мне – Привет!
Улыбается вода,
булькнет мне – Ныряй сюда!
Вот дружок мой, муравей,
закричал – Привет, Андрей!!!

И, с улыбкой, им в ответ,
Говорю – Привет, привет!
Обниму всех вас, друзей,
Муравей! Ко мне, скорей!!!

Речки, горы, и леса,
Звери, птицы, небеса,
Я люблю своих друзей,
Ведь ваш брат я. Друг Андрей.

Автор АВИ, написано 13.03. 2015

А теперь представьте себе ситуацию. В общем сознании, в общем мозгу, какой то хитро-мудрый нейрон говорит соседям – Я отдельный. И вы все отдельные. Живите, как хотите, а я буду жить, как я хочу. Буду не делать, что надо, а буду делать, что мне нравится. И руки вам не подам... Развод...

Что тогда будет со всеобщим мозгом планеты? Сойдёт с ума. Станет неуправляемым, сумашедшим, безумным, ужасным.

Эти человеческие создания возомнили себя индивидуалами. Личностями, свободными от всех остальных.

Звери, птицы, растения, насекомые и другая живность живёт по установленным Советом правилам и законам. Деревья исправно работают на всех. Вода поит всех. Земля кормит всех. Солнце светит всем.

И только люди тянут каждый сам на себя.

Задача, миссия, цель командировки Духа на Землю не состояла в том, чтобы донести Истину до каждого человека. Это было бесполезно. И скорей всего уже поздно.

Ранее посланные Духи возвращались домой ни с чем. Утратив выданное на время тело. Кого то из посланников распяли, кого то сожгли, кого то забросали камнями люди. Духи отчитывались перед Советом один за другим.

А планета неслась в пропасть.

Задача у Странника была другая. Наблюдать за течением болезни планеты, людей, цивилизации, за приближением их гибели, смотреть, как усиливаются симптомы умственной заразы. Цель – анализировать, собирать информацию, понять, как спасти от этого вируса другие цивилизации и планеты. Не вмешиваться и не выделяться, ни при каких обстоятельствах. Но иногда не вмешиваться не получалось...

В дверь позвонили...

В обеденное время Иванов никого не ждал. Он вообще никогда ничего не ждал. Всё происходило само.

На пороге стояло очень красивое на внешность человеческое существо, зрелая породистая самка, лет около сорока.

– Извините, вы Иванов? – Существо кокетливо изобразило губами улыбку. При этом её глаза не улыбались.

– Это я, чем могу быть полезен? – Равнодушно ответил Дух.

– Я по делу, разрешите войти?

– Конечно, проходите...

От незнакомки приятно пахло духами, чистым женским телом, уличной прохладой и какой-то едой. Какой, Иванов разобрать не успел.

– Меня зовут Наталья Валентиновна. Я узнала от знакомых, что вы давно практикуете дзен. А мне нужен опытный наставник. Обсудим?

Иванов заглянул себе в голову, мыслей там не было. Значит, пусть будет, как будет.

– Обсудим. Кофе, чай, коньяк, шампанское?

– Чай. Зелёный, если можно. И без сахара...

Пришла первая мысль: – Чай с кем попало не пьют. Чай дело интимное. Неплохое начало.

Иванову мысль понравилась. Он пригласил даму присесть. Повесил шубку гостьи в шкаф. И направился на кухню.

Перекинулся взглядом с Орхидеей. Та ревниво ухмыльнулась, но деликатно промолчала.

– Можно я с вами на кухне посижу?, – как то по детски спросила дама. В её позе и повадках проглядывалось что-то виноватое. Будто она должна делать правильно, а у неё не получается.

– Пожалуйста... и давайте проще. Без церемоний...

Повисла пауза. Чайник зашумел. На уличный подоконник присела синица и бесстыдно пялилась через окно на парочку молчащих людей.

– Знаете, а давайте сегодня прямо сразу и начнём? Как у вас со временем? – Иванов, как всегда, был ровен и спокоен. Ухаживать и уговаривать он не собирался. Ляпнул первое, что пришло в голову.

– Да. Это было бы здорово, – Наталья широко искренне улыбнулась. У мужчины пробежала по телу волна приятной дрожи, от темечка до копчика.

– Глаза шизофренически не блестят, зубы хорошие, фигура стройная, – отметила в голове мысль...

– Ну тогда чай. И сразу приступим, – задумчиво проговорил голос Духа.

Их взгляды встретились. Иванову стало вдруг жарко и страшно...

Мысли спутались, тонкий, очень тонкий свист в мозгу... Перерастает в вой, затем всё ниже и ниже, в шум, гул, тяжёлый, давящий низкий рокот.

Иванов ещё может смотреть, как приближается рука незнакомки к его глазам. Темнота. Аннигиляция ума..

Последняя тревожная мысль – Ведь предупреждали же. Быть осторожной, внимательней. Теперь всё!!! Проморгал. Пропал... Попался... Мне конец!!!

Времени нет. Что это ночь, день или утро?... Где Дух, где тело? И где я?

Глаза тяжело открываются. Комната. Диван. Тело здесь. Вроде не мёртвое, тёплое, живое... Дышит...

Напротив дивана, в кресле, свесившись до пола, расплзлось какое-то мерзкое бесформенное месиво, напоминающее прокисшее, почерневшее, заплесневелое тесто... Оно шевелится, бурлит, пускает пузыри.

Надо собраться. Сформировать его во что-нибудь. А так и смотреть даже противно. Фу, гадость. Ещё и воняет...

Ну, как же так? Ведь читал, подписывал инструкцию Совета, что на этой дикой планете присутствуют ещё и другие наблюдатели. Вирусы и паразиты. Надо было быть внимательней и осторожной. А теперь поздно.

То, что казалось раньше Натальей Валентиновной, рыхлой вязкой массой растеклось по креслу. Сытое, довольное, отвратительное. Вся информация с памяти отсканирована. И так глупо попасться. Ну, надо же...

Иванов делает усилие, кряхтит, садится на диван. Голова кружится. Где то рядом должна быть сигарета. Проклятие, сигареты нет... О! Есть вода. Пусть хоть вода...

– Ааааа! Уважаемый коллега, Вы наконец-то очнулись? – неживой скрипящий и булькающий тембр голоса доходит до слуха Иванова. – Ну что ж, мой отчет готов. Можем мило попрощаться. Вы приготовите мне ещё чаю?

– Нет. Не сейчас... Помолчите, я ещё не совсем полностью вернулся в форму... пару минут, – Дух шевелил непослушными губами слабо, вяло, механически, болезненно.

Перед отправкой в командировку на Землю Совет дал Иванову подписать инструкцию по безопасному жизнеобеспечению на этой далёкой планете людей в Солнечной системе галактики Млечный Путь.

Конечно, в ней удалось предусмотреть не всё. Так как люди на планете были враждебны ко всему необычному, новому, непонятному... Но это не главное...

Там ещё есть пункт №26 – «Ставим вас в известность, что на территории этой примитивной планеты, под прикрытием чужих человеческих форм, работают враждебные нам Духи Искривлённых Пространств... Они являются Вирусами цивилизации, враждебной человечеству. Паразитируют на страстях, чувствах и желаниях людей. Также опасны для служебных Духов нашей формации. Высшему Совету Конвенции они не подчиняются.

Быть особо внимательными и осторожными, так как их основная функция обнаружение чистого внеземного сознания, скачивание его для научных и экономических нужд своей цивилизации и скрытое паразитирование в оболочках местных людей.»

Сознание с трудом впихло мерзкое тесто в плотную форму Натальи Валентиновны. Сидим на кухне, пьём чай. Я чёрный, крепкий, она зелёный, без сахара.

– Не расстраивайтесь. Это бывает. Умейте проигрывать, – ехидно усмехается гостья. – Вы у меня не первый донор, и, надеюсь, не последний.

– Утешили, – хмуро отвечает Дух, – Зачем вам это надо? Вам что? Больше кормиться нечем, чем нашим сознанием. И даже одеть уже нечего? Расхаживаете в человеческих оболочках...

– Не совсем так, мой дорогой коллега. Питание у нас, конечно, имеется. И оно вполне автономное, с избытком хватило бы на всё время командировки. Но, ведь, согласитесь, эти примитивные человеческие твари так вкусно себя чувствуют, любят, боятся, страдают, мечтают, хотят. Да ведь они всё время чего-нибудь хотят. Эта их мысленная энергия, просто деликатес. Изысканное блюдо. При этом полностью готовое к употреблению. И без искусственных добавок. Я вам доходчиво пояснила? Это о людях. А ваши знания, открытия, исследования. Зачем же нам самим тратить своё время и бюджет? Если есть готовое знание Духов Вашего Совета... Теперь понятно?

Иванов чувствовал себя раздавленным, но ещё живым тараканом. С Орхидеи упал распустившийся вчера цветок.

– Мрази, – пришла горькая мысль. – Подлые ленивые мрази... Паразиты, клопы, вонючие отбросы Вселенной.

– Не надо, Иванов. Это бесполезно... Лучше подумайте об вашем служебном отчёте. Куда сошлёт вас Совет на этот раз? Думаете нас там не будет? – Наталья отхлебнула чай. Она умела читать мысли. Это тоже было написано в инструкции.

– Прощайте, – сказал Иванов.

– До свиданья, – ехидно улыбнулась гостья. И грациозно накинув шубку, уплыла в подъезд.

В десять вечера должен быть сеанс связи. Конечно отзовут. Конечно, опять сошлют в самую вонючую дыру Вселенной. Конечно, без отпуска. И конечно, с понижением статуса.

Будь проклята эта Земля. Будь проклята эта галактика. Будь проклят я.

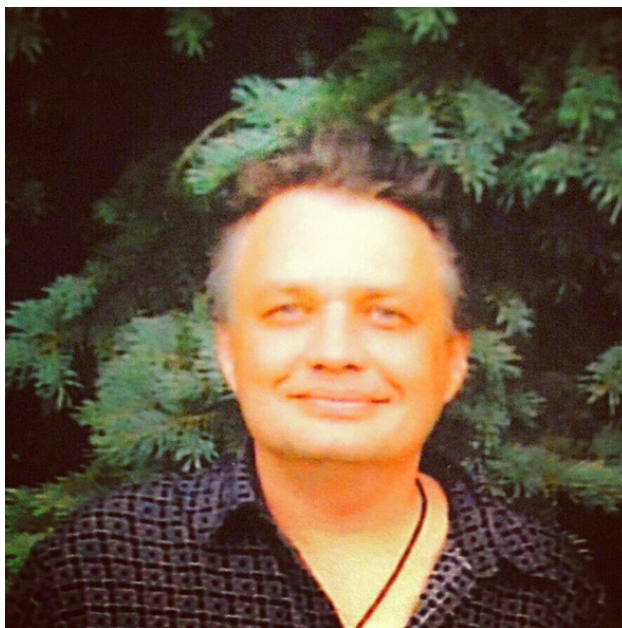
У Иванова иногда случалось оскотинивание. Даже целых два. Одно оскотинивание было маленькое. Второе оскотинивание было глупенькое.

Странник любил оба... Ивановский шарм много чего любил. Иногда приходило Женский Кот, и тогда оно смотрело и улыбалось.

Иногда карликовые Кролики. Но они не смотрели, а бегали и шуршали. Они были не вельветовые. А серые. Пожалуй, они и мешали Иванову спокойно оскотиниваться. И тогда, заботливый и верный Дух шептал: – Иванов, а ты поставь хитрую ловушку.

Очень вкусный сыр кормил маленьких беззаботных Кроликов. Иногда хлебушек или кусочек салца, или колбаски. И тогда они ловились, один за другим. Иванов заботливо относил их купаться. В унитаз. Они там купались и уже не возвращались долго. А когда, спустя земные месяцы, приходили новые Кролики, то всё заново повторялось.

Ещё с детства в уме жила мысль: – Вот бы хорошо было стать тихим и мирным, вечно спокойным и счастливым идиотом. Вот тогда всегда будет всё радостно, весело, спокойно и небо в бриллиантовых звёздах.

Ботанический сад. Живые деревья. Они умели молчать. И за это Иванов их очень любил. Фото из личного архива автора.

Но мысль – это, конечно, хорошо. А вот в реальности никак не получалось полностью отключить мозг...

Примерно год назад в его земной жизни внезапно появилась Оранжевая Мартышка. Родители кормили её вкусной диетической едой и фруктами. Она устала от питерских дождей и моталась по границам.

Там, у океанов, она вставала на доску и каталась по волнам, забывая про всё на свете. Она была хорошая и по-детски наивная. А её друг Гимарайка взял, да и полюбил Мартышку. И звал её замуж. А Иванов их обоих развлекал в свободное от оскотинивания время. И ел с ними их земную человеческую еду. Диетическую и фрукты.

А Гимарайка думал о себе, что он серьёзный, умный и трудолюбивый, и выполнял это. Особенно в театре. Оранжевая Мартышка смеялась громко и носила на себе роскошные дорогие туалеты. А Гимарайка покупал билеты на самолёты и в полётах мечтал о их будущем ребёнке. Иванов слушал его мысли и одобрял их.

Женский Кот ходило по лесу. Оно было очень болезненное с рождения, но прекрасное по характеру и почти доброе, и ело виногреты. Дух смотрел и радовался тому, как Женский Кот любило переодеваться в разные цвета головных уборов и смотреть на звёзды.

Мысль спрашивала у Иванова:

– А вот чем люди на земле отличаются от биороботов?

И тут же всегда приходила вторая мысль и отвечала:

– Биороботы тоже оскотиниваться могут. Но реже. И на звёзды смотрят, как и все люди. Но, смотрят и думают, и не видят их красоту. А люди видят. Вот и вся разница.

Вообще то человеческие люди на этой планете слишком привыкли постоянно думать. О другой зарплате, о новой любви, о своих детях и красивых сапогах. Им это было для них очень важно и даже, наверное, необходимо. Так они считали. Почти все.

Люди редко смотрели на небо, на воду и на огонь. Им было некогда. Они носили тяжёлые сумки из магазинов и всегда хотели спать. Изредка они встречались на улице, приостанавливались, и начинали разговаривать друг с другом. Потом им казалось, что становило полегче на душе и они говорили друг другу, что им некогда. Тогда они шли дальше. По вечерам люди ложились спать. Обычно добрые сны снились редко. По утрам они вставали недовольные и раздражённые, и опять шли отводить своих детей в детский садик или в школу.

Иванов почти никогда не был недоволен. Он очень любил всё настоящее и живое. Мог находиться у воды часами, смотреть и молчать. Или слушать кого-нибудь, при этом совсем было не важно о чём ему говорят. Просто слушать и понимать человеческий голос. Как музыку.

Любил смотреть на огонь костра или камина. На небо. На далёкие звёзды и близкие облака. На пустоту ясной и чистой синевы над головой.

Любил вдыхать благоухание пробуждающегося от зимней спячки весеннего леса. Любил ароматный запах готовящегося на мангале шашлыка, приятно бередищий его обонятельные рецепторы. Даже больше не сам приготовленный шашлык ему нравился, а именно этот возбуждающий, ни с чем не сравнимый аромат, приправленный дымком берёзовых углей.

На природе Иванов всегда чувствовал себя лучше, чем дома. Потому что весь этот живой мир и был его, хоть и временным, домом. Фото из личного фотоархива автора.

Светотени появлялись внезапно, но регулярно. Чаще всего выползали ещё сонные и вялые из своих жилищ по утрам. Они вечно спешили, молчали или что-то говорили друг другу, хрустя ногами по снегу. Каждый из них был уверен, что он живёт свою единственную жизнь. Иванов не любил слушать то, о чём они думают. Особенно с утра, когда они были в забеге на работу.

Чтобы не слушать грубые шумы и голоса большого города, молодые светотени часто втыкали себе в уши маленькие наушники. Так им было не слышно даже свои надоевшие мысли. Иногда наушники были такие большие что могли греть уши зимой.

Все бежали по своим очень важным делам. На улице они сбивались в кучки и старались стать незаметными в толпе. В городском транспорте и метро они сразу же утыкались в дисплей своего смартфона или изображали, что спят.

Собаки и птицы вели себя иначе. Собаки выбегали из подъездов и начинали радостно лаять. Птицы щебетали, каркали и смотрели на людей сверху вниз. Так начинался каждый новый день.

Человеческие дети нехотя топали в садик, те, кто повзрослее, в школу. Густой городской шум от потоков разных мыслей перемешивался с морозным воздухом улиц и превращался в вязкий, грязный, мутный коктейль.

– В Москве и Питере ещё спят, – зачем-то пришла бесполезная мысль.

– Демотиваторы только ночью придут. Не скоро. – Ответила ей вторая.

Людей за окном стало меньше. Теперь они молча сидели или стояли на своих работах. Кролики тоже притихли в своих норах. Мороз всё крепчает. Пора варить воду.

Крепкий утренний чай – это настоящий ритуал. Важная, неотъемлемая традиция жизни земных людей. Торжественная церемония. Женщины чаще предпочитают кофе. Но, только не сегодня.

Голова стеклянная, пустая, тяжёлая. Вчера состоялся сеанс связи с Советом. Задавали вопросы. Дух отвечал подробно и бесстрастно.

Иногда Страннику хотелось достать из черепной коробочки мозг, хорошенько помыть его детским мылом, прополоскать и повесить сушиться на свежем, морозном воздухе. Такой бы он стал чистый, свежий, как новый. Но этого делать было нельзя. Без мозга тело не работало. И мозг без тела тоже не работал. Такое вот примитивное устройство человеческого организма.

Дня три тому назад Иванов решил позвонить некому литературному агенту. У агента было красивое женское имя. Ласковое, длинное и благозвучное. Федерика Гимлеровна Маэстро.

На своих страницах в социальных сетях Федерика очень изысканно и даже по-доброму предлагала свою профессиональную помощь и всестороннюю заботливую поддержку всем начинающим литераторам. Предлагались услуги в корректуре, редактировании, издании и продвижении поэзии и прозы.

Иванов набрал номер и с пятого раза дозвонился. Голос был совсем не добрый, холодный, раздражённый, почти металлический. Федерика отвечала так, будто Иванов занял у неё кучу денег и не собирался отдавать. Или будто он нагло отвлекает её от самых срочных дел по пустякам. Как-то даже неловко было продолжать разговор.

В беседе всё-таки выяснилось, что читать или даже просматривать рассказы, повести и романы литагент не собирается. Она так очень занята, вся в важных и неотложных делах. И вообще сказала, что Иванов попал не по адресу и, если у него есть горячее желание печататься, то нужно самому относить бумажные листочки своей рукописи в какой-нибудь журнал. А лучше отнести в корзину или в туалет. Тем более, что рассказами себе на сытую жизнь явно не заработаешь, и писательство это совсем не прибыльный бизнес.

Ничего нового из разговора никто не узнал. Иванов и сам знал, что писательство – никакой не бизнес. Только попал в глупое и неловкое положение просителя. Зачем он звонил и спрашивал, осталось загадкой даже для него самого.

Только было непонятно, зачем литагент так тепло и дружелюбно предлагала свои услуги на страничках в сетях. Иванов подумал, что до уровня типичного идиота ему уже совсем недалеко, для этого нужно только ещё побольше оскотиниться. Маленькое и глупенькое сознание подсказало ему, что больше никому звонить и ничего пробовать не стоит. Ведь хочется только писать честно, от души, и ни у кого ничего не спрашивать и не просить. А писать можно и бесплатно, для себя.

Светотени за окном жили своей обыденной человеческой жизнью. Прогуливались, возили в колясках своих будущих наследников. Кролики уже искупались и не шуршали. Даже птицы не подавали голоса, видимо поулетали на поиски еды. Иванов попил тёплой варёной воды, изобразил задумчивость и прилёг в ожидании демотиваторов.

Вся жизнь земная у людей, как русская рулетка. Надежда жаркая, затем лишь горькие утраты. Конечно, новый поиск и бесконечная игра. Фото из личного фотоархива автора.

Вот, теперь всё понятно и известно. Это хорошо. Самая неприятная штука из всех ощущений – это неизвестность.

Демотиваторы должны появиться в промежутке с 2 до 3 часов ночи по земному времени. Возвращение домой будет моментальным, как вспышка. Ррррраз! И сразу дома. Затем немедленно соберётся Совет, и начнут решать. Это была последняя мысль, перед тем, как Странник задремал.

«СУМАШЕСТВИЕ ПОЭТА ВЫСКРЕБЕНЦЕВА»

Сон Странника.

Поэт Выскребенцев с ненавистью закрывал форточку. Уже утро. Раннее. Половина четвёртого. А мерзкие птицы уже орут.

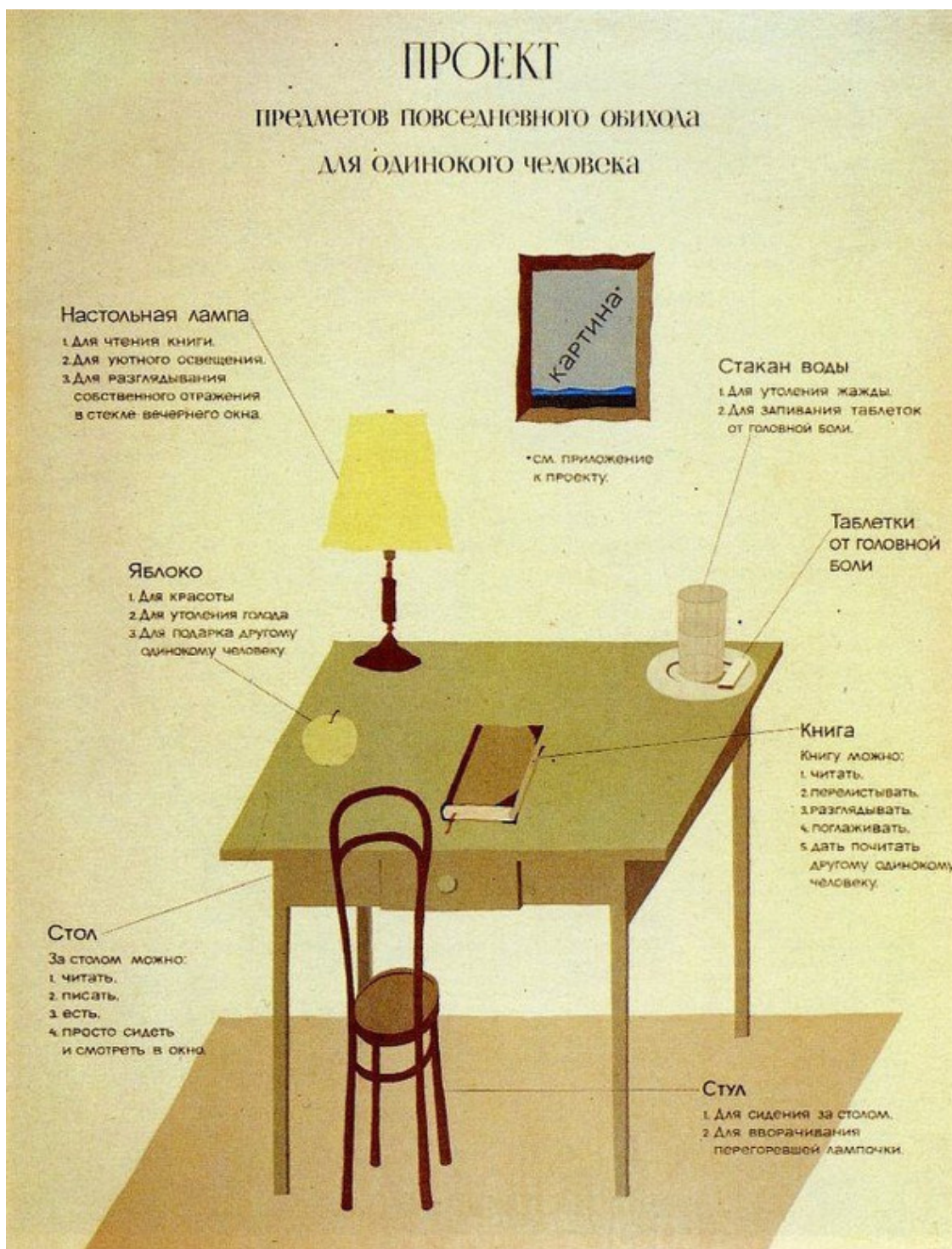
– Ни покоя, ни тишины – Прошептал поэт в раздражении. – И луны не видно. Проклятый город. Зачем здесь собрались все эти чужие друг другу люди. Они рождаются, живут. Придумывают себе суету. Что-то говорят себе или окружающим. Стареют, дряхлеют и мрут. Ничем не отличаясь от мух. Чёрных, стареющих мух.

Выскребенцев расправил постель, присел на край дивана, закурил. – Господи! Дай мне радость вдохновения, дай мне мысль. – Попросил он у того, кто никогда не отвечал.

Шаркающие шаги старой матери в коридоре нарушили уединение поэта.

– Пошла в туалет. – Посетила банальная мысль. – Значит, жива. А что я буду делать, когда она умрёт? Наверное тоже очень быстро сохну. Птицы, даже за закрытой форточкой, пытались перекрыть тишину. Тот, кого люди придумали называть Господь, тупо молчал. Вселенский порядок Он установил. А вот отвечать на мольбы людей не собирался. Видимо, ему не до этого. Занятой очень.

– Лягу и проснусь. И всё повторится. – Сказал себе Выскребенцев с тоской. – Опять вставать, тащиться в туалет и в ванную, завтракать, и встречать новый ненавистный день. Пустой, бессмысленный, глупый.

Сказки про то, что кофе бодрит, на поэта уже не действовали. Женщины не возбуждали воображение, а походили лишь на красивые бесполезные картинки. На них можно любоваться. Но трогать и приближать к себе их не хочется. Когда женщины не открывают рот – это им очень идёт. Полёт мужской фантазии не омрачится ничем.

– Как хорошо сейчас бы сидеть у моря. Молчать и ничего не думать. Дышать сыростью тумана и слушать набегающую волну. Или ехать долго-долго в поезде. Всё равно куда. Лишь бы за окнами мелькали дряхлые умирающие сёла, леса, обмелевшие речки, незнакомые вокзалы. Бабки с мисками варёной картошки и с домашними малосольными огурцами. Равнодушные беспризорные грязные собаки. Гниющие склады леса, мосты, дома, дома, дома... И снова леса...

– Да когда же я наконец то сойду с ума? – Подумал Выскребенцев в отчаянии. – Чтобы не чувствовать эту бесполезную тупую боль. Заснуть бы и не просыпаться. И никому от этого не плохо, не хорошо. Незаметная смерть очередной мухи. А эти оставшиеся мухи пусть дальше живут. Жужжат, суетятся, надеются и верят. Пока сами не сдохнут от своей пустой суеты или дряхлой болезненной старости.

Занимался рассвет. Окна в соседних домах по очереди зажигались. Люди нехотя вставали, на что-то надеялись и ждали. Каждое утро. Каждый новый день. Ждали. Вели сонных детей в садик, везли в школу. Плодили новых, быстро стареющих мух. И ждали перемен. У мух, как и у людей, перемен не бывает. Но люди не хотят знать это. Люди хотят перемен и ждут. То зарплату. То весну. То лето. То переезд. То отпуск. Или пенсию.

Выскребенцев не ждал ничего. Ни утра. Ни перемен. Ни отпуск. Ни пенсию.

Он просто соблюдал правила. На улицу – значит надо одетым. В магазин – значит с деньгами. Правила – это, чтобы не избили, не посадили, не обидели...

Он засыпал только под утро. Спал недолго, не спокойно, не крепко. Для жизни в теле этого как-то хватало. Остальные спали всегда. От рождения и до кладбища.

Выскребенцев вышел на улицу и стоял у подъезда, смотря в темноту окон своей квартиры. Свет только на кухне. За сорок лет это место жизни не стало родным. Не стал родным этот дом, этот город, эта страна, этот мир.

– Гость, везде я гость. – Невесело подумалось Алексею. – Живу в режиме ожидания жизни.

Захотелось кому-нибудь рассказать о своих дурацких мыслях. Хотя бы позвонить. Поделиться. Только кому это надо? Никому не надо и некому рассказать. Почему так?

Вечерами они там все мелькают в синем тумане своих телевизоров. Им не до кого, не до меня и уж точно не до моих идиотских умозаключений. Или ужинают. Или детей укладывают. Или спят. Или ругаются. Или уже помирились и обнимаются.

Немой слушатель моих мыслей – Луна. Висит в зимнем небе. Светит поздним пешеходам. Такая же холодная и одинокая, как всё вокруг. Только представить, что на Луне ни одного живого существа. Безмолвие и холод. И одиночество в космосе. Поговорить что ли с Луной? Может ей тоже хочется мне что-нибудь рассказать... Похоже на тихое помешательство.

Сегодня вечером по дороге домой, зайдя в поезд метро, Алексей стал, как обычно, равнодушно разглядывать рекламные объявления на стенах вагона. Одно маленькое, самое скромное и неприметное, привлекло его внимание. Совсем короткое, не красочное, безлико бледное, даже без картинок. Пара предложений и номер телефона. Телефон ему почему то захотелось записать. «БЕСПЛАТНОЕ СТАЦИОНАРНОЕ ЛЕЧЕНИЕ ДЕПРЕССИЙ. Анонимно, эффективно, без лекарств.» И номер телефона какой-то государственной медицинской клиники лечения неврозов.

– Интересно. Как они там лечат? – Заинтересовался Алексей. Пассажиры вагона и все звуки сразу пропали. Он погрузился в размышления. – Наверное какая-нибудь арт-терапия. Задушевные разговоры с психотерапевтом, тихая расслабляющая музыка, рисование акварельными красками, медленные танцы в полусне, глубокие беседы в группе таких же социопатов, как я. Но всё-таки интересно бы попробовать, надо обязательно позвонить в понедельник. Главное, чтобы взяли. Может даже и прикидываться депрессивно больным там не потребуется. Я и так вполне ненормален. – Эта мысль вызвала улыбку. Он давно уже не стеснялся улыбаться при всех в метро. Среди озабоченных и уставших лиц просто ещё один идиот. Всё равно половина пялится в смартфоны, а остальные дремлют.

– Сегодня вечер пятницы. За выходные закончу все дела. И позвоню.

Пожилой мужчина за пятьдесят выбросил окурок в сугроб, ещё немного постоял во дворе и зашёл в дом. Мать к его приходу сварила 25 магазинных пельменей. Таких маленьких, но вкусных. Особенно с мороза. Такие сами проваливаются, скользя по глотке. Даже жевать почти не надо. Пельмени катаются с горки, скользя по маслу. Шлёп-шлёп и плюхаются в чай желудка. Развлечение у них такое. Их достали окоченевшими из морозилки, отогрели ласково и отправили в рот кататься с горки.

Пужинав, Алексей присел проверить почту. Включил любимое радио. Обычной в этот час литературной передачи почему то не было. Вместо этого бормотание усыпляющей музыки. Ну и пусть. Всё к лучшему. Почта ничем не удивила, не обрадовала и не огорчила. Всё, как всегда. За окнами зимняя ночь. Внизу сугробы, вверху Луна. Всех соседских собак уже выгуляли. Ни лая, ни криков детворы. Лишь изредка прошуршит возвращающийся с работы автомобиль. Тишина, безмолвие, покой.

Перед сном привычные пятнадцать минут сидячей медитации. За это время хорошо бы отпустить все мысли. Смыть остаток дня. Исчезнуть. Иногда в эти минуты Алексей ощущал лёгкое покалывание или приятное жжение прямо в точке самого центра темечка. Это как связь. Будто антенна, принимающая какие-то сигналы. Или отправляющая его запросы и мольбы куда-то во вне его. Кому то, кто, может быть, слышит и ведёт его по жизни.

Но так было не всегда. Часто антенна на темечке только отправляла его просьбы. Безответно, как ему казалось. Хотя ответ приходил. Никогда, или почти никогда сразу. Но иногда и сразу. Очень-очень редко приходила какая то интересная идея. Тогда вместо сна было необходимо было не ложиться отдыхать, а сразу же садиться за клавиатуру, чтобы срочно записать эту идею. Развить её и углубить.

Вот после того, как идея воплощена, записана, отредактирована, спалось так приятно, сладко, умиротворённо. Без снов и трудных засыпаний.

Медитировать перед сном уже давно вошло в добрую привычку. Кто-то молится, кто-то считает под одеялом баранов и овец. Кто-то привычно тискает на ночь свою жену, кто-то

уже мирно храпит. А Алексей растворялся в пустоте и безмыслии. Сегодня антенна на темечке завибрировала отчётливо, и приём сигналов начался...

Присланные будто из ниоткуда, слова сами собой в уме складывались в мысли. В готовые предложения. Вырисовывался некий смысл, о котором несколько мгновений ранее Алексей даже и не предполагал. Антенна мощно и без перерывов качала материал нового рассказа. Главное в этот момент не мешать процессу. Ничего не придумывать, не додумывать. Не украшивать и не усложнять. Всё идёт, как идёт.

Передача постепенно начала стихать. Вибрации прекратились. Алексей посидел ещё пару минут на краю дивана и начал одеваться. Теперь уж не оставалось никаких сомнений, что поспать сегодня ему не дадут. Хочешь – не хочешь, придётся записывать. Иначе, если заставить себя всё-таки заснуть, то утром от потока ни крохи не останется. Лишь горькое сожаление, что упустил по своей лени и тупости.

На цыпочках, тихонько, чтобы не шуметь и не разбудить спящую в соседней комнате мать, он пробрался в ванную. Умылся и осторожно прошелестел на кухню. Чай. Священный напиток всех, кто работает по ночам. Заварил покрепче и за работу.

Нет! Не он сейчас сочинял интересный ему самому новый рассказ. Он только записывал идеи. Эти предложения даже не нуждались в литературной обработке. Они легко и гармонично ложились в порядке. Одно за другим. Так было всегда, когда его накрывало вдохновение.

Перерывы минимальны. Только на заварку новой порции чая и даже без перекуров. Он курит прямо в процессе. Пепел обрывается с сигареты и падает куда попало. На пижаму, на клавиатуру, на пол... Останавливаться и включать ум нельзя.

Очнулся около пяти утра. Гора окурков. Остывший чай. И спать, спать, спать... Последний раз перечитал написанное. Текст поразил его. И очень понравился. Кто надиктовал ему эти слова? Что за чудесный, невидимый диктор? Хотя... Теперь это уже не важно...

Переданное прямо в сердце – сердцем записано, отредактировано. Теперь оно ему не принадлежит. И никогда не принадлежало. Он только руки, бешено стучавшие по клавиатуре. Он воплотил, записал, сделал, как ему положено. Он всего лишь слепое орудие. Ребёнок родился. Теперь у него своя собственная, ни на кого не похожая, личная жизнь. Свой собственный характер и своя собственная судьба. Отец не он. Он только временная нянька. Руки няньки.

Алексей облегчённо выдохнул и только теперь почувствовал приятную усталость, клонящую в сон. – Вот же, блин... Опять всю ночь колотил по клавиатуре. – Удовлетворённо подумал человеческий мозг. – А всё-таки приятно быть орудием этой непонятной Силы. Именно мне это доверено. Значит, достоин.

– Хорошо, что рассвет зимой наступает поздно. – Это был последний обрывок мысли перед тем, как Алексей забылся сладким счастливым сном.

Глаза открылись безуильно, сами собой. И мгновенно активировался процесс думания мыслей. Избавиться от этого возможности временно не было. Тогда Иванов позволил Духу

самому следить за своими мыслями. Отдал ему полный контроль и внимание. А сам лежал, дышал и моргал.

Почему то вспомнилось о детях.

Техника обдумывания прошлых действий, классификация чувств и ощущений, планирование поступков у детей начинается не сразу после рождения.

Нужен какой период становления личности, отдельности, индивидуальности, набирания и анализа опытов исследования окружающих форм и событий. У детей это происходит примерно год на третий физического тела.

Сначала, как бы работает на автомате, неосознанно. Когда, например, маленьким детям говорят:

– А ты подумал, прежде, чем это сделать?

Дети чаще всего утвердительно кивают головой. Хотя не совсем понимают, что такое думать и как это должно происходить. И происходить в каком месте...

Уже гораздо позже, после постоянных объяснений родителей, воспитателей и друзей, ребёнок узнаёт, что думание должно происходить в голове.

Вот тогда и начинается процесс ползания навязчивых мыслей, бесконечные внутренние диалоги, «умные» обсуждения, нудные прикидывания и планирования.

Идёт познание внешнего видимого мира, загрузка и перезагрузка новых чувств, ощущений и их переживание. Верней сказать, пережёвывание. Да. Так будет точней...

В зрелом возрасте человек уже ищет способы избавления от этого надоевшего шума в голове. Хочется внутренней и внешней тишины. Покоя.

Но это так трудно, что многие даже не понимают, как же жить без постоянных мыслей. Без работы ума.

Всё это пронеслось в голове так быстро, но совершенно бесполезно и бессмысленно. Даже как-то глупо и несерьёзно. Ну, зачем думать о мышлении, если эти думы тоже всего лишь только мысли? Бред и насилие мозга.

Оставалось только дожить до вечера. Просто прожить эти несколько часов. И навсегда благополучно распрощаться с пребыванием во временном земном теле.

– Хорошо, что скоро, – с облегчением подумалось вдруг...

Если отбросить все романтические штучки – дрючки, то быстро выяснится, что реальная Жизнь всех и каждого – это попросту набор чувств, ощущений, переживаний. И больше ничего. Пустота в связке с Энергией. Вокруг и внутри – только Энергия Пустоты.

Вокруг пустых ядер кружатся кусочки энергий. И сами ядра – это энергия. Пустая, молчаливая, одинокая... Кванты Света, фотоны, протоны, электроны и прочая энергетическая дребедень.

Самый одинокий в Мире это Создатель, Наблюдатель Игры. Ему приходится самому себя исследовать, развлекать. Он Вечен. Как и Его Мистическая Игра.

Как это просто! Но, как трудно это понять и принять. Объяснить ещё трудней. Однако, кто хочет, пусть откроет это сам. На то у них и разум есть...

Большинство застревает в этой игре ума. В видимой иллюзии плотных форм, призрачных снов, объектов.

Идёт игра. Ставка в игре высока – Жизнь с пониманием Жизни. Или участие в бесконечном фильме в качестве актёра. Или зрителя. Или режиссёра. Киномеханику всё равно. Он знает, что в любом случае всё будет, как будет. Всегда всё будет правильно и хорошо. Какая ему разница, о чём будет этот сериал, если финала всё равно не предусмотрено?!

Актёры, зрители и режиссёры очень верят в серьёзность фильма. Они меняются ролями и стараются прочувствовать иллюзию фильма вполне искренне. Они страдают, любят, убивают, работают, боятся, волнуются, радуются так по-настоящему, что даже и подумать не могут, что просто спят.

А на самом деле просто крутятся вокруг атома на электроде со скоростью Земли. И этот какой то атом в структуре обычной табуретки, на которой сидит, чья то толстая попа. Эта попа тоже рассуждает про Вечность, про Любовь, про Жизнь и Смерть. Про Бога и религии. Ищет Истину Реальности и Правду Бытия. А в реальности нет ничего. Пшик, Пустота, Вечное безмолвие. Игра.

Иванов посмотрел на часы. Прошло 4 минуты. Или полвека. Или несколько не прошло. Какая разница?! Времени не существует. Время придумали люди...

Домой. Попить чаю и домой. Где нет ни времени, ни людей, ни снов... Уже хочется скорей домой.

«А, знаешь, незнакомец... Лучшая новость из всех – это то, что всё кончается. Всё, что имело начало, имеет и конец. Всё временно, зыбко, непостоянно, изменчиво. Все ваши миры, страсти, страхи, надежды существуют лишь в ваших умах.

В ваших зеркалах не отражаются даже ваши иллюзии. Встань и иди. Дальше ума ты не уйдёшь. Бояться нечего. Всё равно там ничего нет. Кроме тебя самого. Но это очень-очень много. Хотя ты поймёшь мои слова только в самом конце пути...»

Серый Человек нервно жевал фильтр сигареты.

– Эти существа, внешне очень похожие на людей, не всем по карману. Особенно теперь. Я даже не знаю, чего от них больше, плюсов для жизни или минусов. Они красивые с виду, округлые и мягкие... Мне их хочется... Очень...

– Тебе, Рут, они уж точно не по карману, – ослабился Димиус – И не по твоим гнилым зубам. Силой они не берутся. Стоят недёшево. И в обслуживании подороже подержанной иномарки. Их корм – деньги и внимание. Лучше поливай свои кактусы на подоконнике, это безопасней. По субботам у тебя есть литр коньяка на ночь плюс задушевная маструбация на пышечку с монитора. Разве этого тебе мало? Тогда тебе проще завести собаку.

– Димиус! Но почему? Скажи, почему? – Серый Человек выплюнул окурочок и истерично зажал руками уши... – Что со мной? Неужели меня совсем не за что полюбить?

Старик хрипло рассмеялся и отхлебнул густого чёрного пойла из ковша.

– Глупец! Да просто потому, что ты жив, Странник. Понимаешь, Рут, ты ещё жив. А они почти все давно мертвы. Мертвы ещё с рождения. Мёртвый любит мёртвых. Сдохни! И они любят тебя.

– Но ведь, так было не всегда. Меня любили, но всё это куда то делось. Теперь даже последняя нищая портовая шлюха не посмотрит в мою сторону. Я постарел?

– Ты или слишком жадный, Рут, или слишком гордый. Или просто ленивый и тупой мозгляк. А, скорее всего, всё это вместе. – Димиус снова хлебнул из ковша. – Дело, браток, не в них. Всё дело лишь в тебе, и ни в ком другом. Не лги хоть самому себе.

– Знаешь, Димиус, я вчера был у той, которая год назад хотела меня до слёз. До истеричной ревности, до безумия.

– И что? Что она сказала тебе? Ты вообще выслушал её?

– Она сказала, что почти забыла меня и даже не хочет вообще больше видеть.

– Идиот, неужели ты всерьёз поверил, что она тебя разлюбила? – Старик вяло усмехнулся и сипло закашлялся от новой затяжки вязкого дыма.

– Ну да! Она сама это сказала.

– А ты видел при этом её глаза? Что было в них?

– Ну... Мне показалось, что там всё менялось... Так сразу трудно сказать... Холод какой-то или злость... может, равнодушие... Возможно у неё теперь появился кто-то другой, помоложе.

– Ты лжёшь! Там не могло быть равнодушия.

– Мне правда трудно вспомнить... Но почему то я сразу поверил ей.

– Это потому, что ты сам хотел в это поверить. Она тут не при чём.

– И что теперь? Чего мне ждать?

– Или ничего или смерти... Хотя это одно и то же.

Рут и Димиус сидели в старом дворе у детской песочницы. Ночь прошла, оставив лишь сырой туман в мозгах и кислятину нечищенных зубов во рту.

Девочка нарисовала пальцем сердце на песке.

– Оно такое? – она подняла голову на Серого Человека.

– Нет, Валерия, оно больше. Намного больше. Намного-намного больше.

Вдруг Рут заплакал. Грязные слёзы на небритых щеках. Романтично и глупо распускать юни с утра. Девочка не понимала, что с ним. Но тоже начала всхлипывать.

Старик молча смотрел в небо. Утро. Проклятое новое утро. И небо всё ближе и ближе.

Рут возвратился с кладбища только к вечеру. Поминки Димиуса прошли в кафе, как во сне. Кошмарном призрачном сне. Фигуры малознакомых людей, столы, какие-то слова – всё перемешалось в одну густую массу, похожую на липкую прокисшую кашу.

Кто-то подходил, похлопывал его по плечу, говорил что-то о сочувствии, наверное пытаясь поддержать или ободрить. Его пустая голова совершенно не понимала, не принимала никаких слов. Он машинально кивал и отходил в сторону. Ушёл тихо и скрытно, раньше всех. Дома, не раздеваясь упал на диван и забылся...

Небо, похожее на молоко. Земля, заваленная снегами, похожа на небо. Цвет не отличается. Наверху и внизу всё то же беспросветное молоко и метель. Грязной прослойкой между небом и землёй коробки, коробки, коробки. Человеческие соты. Тут ещё слегка теплится жизнь.

Старухи, торгующие вязаными варежками и носками. Головы свиней с глупо улыбающимися ветру рылами и задубевшие на морозе туши рыб. Сваленные в кучу деревья, срубленные в угоду празднику. Безрадостный пейзаж городской зимы.

Ветер со снежной крошкой в лицо и собака, греющаяся на крышке люка теплоцентрали. Рут достал из кармана куртки сухой кусок батона.

– На! Бери. Ешь.

Псина нехотя встала с люка, отошла, прихрамывая, на десяток метров, и присела на снег, продолжая с опаской поглядывать на Серого Человека.

« – Страх, недоверие, вражда... Везде одно и то же. – Мрачно подумал Рут. – Везде. Среди людей, и среди зверей.

Скоро он должен выполнить своё предназначение. Оставление своей земной человеческой жизни. И возвращение домой. Остальное теперь не важно. От этого приходила то ли уверенность, то ли даже некая болезненная бодрость, правда больше похожая на агонию или

на истерию. Но, как бы там ни было, всё-таки имелась настоящая цель, это радовало и придавало сил.

...А что было здесь действительно ценного, дорогого, стоящего? Такого, что имело бы человеческий смысл? Такого, ради чего людям и жить стоит и сдохнуть не жаль? Самое, самое...

Рут вспомнил. Все эти последние пол десятка лет у него на стене, над диваном у изголовья висел тайный мешочек. Такой маленький, синий подарочный мешочек. Совсем крохотный, всего с пол ладони. Главное там. Самое главное. Раз в год, обычно под Новый Год, он доставал из мешочка это главное. Серебряный медальончик с её фотографией и прощальное письмо.

Рут перечитывал письмо раз в год, сам не зная зачем. Ведь он уже давно запомнил все эти слова наизусть. Наверное, только для того, чтобы опять подержать в руках этот родной листик с её почерком. Потрогать его пальцами, убеждаясь вновь и вновь, что это не было сном, бредом, фантазией. Это было, было, было. Было в её руках. Она сама нашла этот листок и писала на нём своей рукой. Неважно, что это было давно. Главное, что она держала его в руках. А теперь и он держит. Как в первый раз...

И теперь он бережно достал медальон, открыл его и долго-долго смотрел, смотрел, смотрел... Любовался.

Как это странно... Обычное лицо обычного человека, но оно такое необыкновенно родное, прекрасное и дорогое. Обычное лицо необыкновенной милой женщины. Единственной и драгоценной...

Рут не стал закрывать фото, положил его рядом с собой и бережно, очень аккуратно и нежно развернул сложенный вчетверо листочек.

«... Рут! Этот медальон я купила уже давно, но решила, что подарю его тебе в очередное знаменательное событие. К сожалению, до нашего полуюбилая мы не «дожили». Но медальон твой (если бы ты знал, какой это дефицит такие медальоны!!!)!

Единственное, что я убрала оттуда свою фотографию – теперь ты сам решишь, чья там будет фотография и будет ли вообще. В любом случае, ангел – хранитель, изображённый на медальоне, будет хранить тебя. И пусть

как можно дольше ты также будешь уверен, что «всё» в этой жизни даётся пополам и по справедливости.

И последнее. Когда люди украдкой, тайком любят друг друга – это называется ворованное счастье. Мы оба воры. И я никак не хотела тебя обидеть. Я целиком и полностью принадлежала тебе, но об этом знали только мы с тобой. А так хотелось рассказать о нашей любви всему миру. И знаешь, солнце моё, я считаю **НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬЮ** то, что судьба свела нас так поздно и мы не можем быть вместе. Но, с другой стороны, я **БЛАГОДАРНА** судьбе, что она подарила мне это счастье, эту любовь, и ту единственную ночь – пусть даже ворованную. Вот теперь всё. Я ухожу. Хочешь – проводи меня:)

Наташа.

P.S. В имени Александр встречаются 5 из 6 букв твоего имени»

Рут читал и словно наполнялся жизнью от прочитанных слов. Холод пустых дней и лет земной командировки растворялся памятью о любимой.

Да. Димиус был прав. Он живой. Ещё живой. Рут последний раз всмотрелся в милое лицо. Закрыв медальон, сложил вчетверо драгоценный листок и аккуратно вернул своё сокровище в мешочек на стене.

Всё правильно. Теперь пора.

Третий час ночи. Город как раз уже улёгся на покой. Почти весь город спит. Где-то недалеко в этом городе спит и она. Она не знает, она спит... И хорошо. И пусть не узнает...

Прибывшие демотиваторы были безразличны и молчаливы, как всегда. Обычная процедура.

Говорил только один. Кому он говорил было непонятно. Скорей всего, это всего лишь служение. Или пустая болтовня. Или проверка эмоций Странника.

– Слышали, как любят говорить истеричные дамочки на этой планете? **ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!** Они так любят это повторять, чтобы поверить им самим. Но счастливей они становятся только на мгновение, на час земного времени. Или на сутки. Ну, максимум на месяц. Или не становятся никогда.

Он отхлебнул обжигающий чай, и продолжил:

– А вы попробуйте, сказать эту фразу молодой матери, у которой вчера утонул маленький сын. Или погиб на их глупой войне муж. Или рискните сказать это безвинно осуждённому преступнику, которого завтра посадят на электрический стул. Можно поэкспериментировать и повторить эти слова парню, у которого умирает от рака мать или ребенок. – служебный Дух правдоподобно изобразил улыбку...

– Вы скажете, это частности? А для большинства **ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА?** Именно эти частности и исключения ведут к пробуждению от сна. Никакие радости и развлечения не могут прервать желание жить в иллюзии. И в постоянном страхе это потерять. Это люди. Они хотят верить, ждать, страдать, и при этом каким то образом стать бессмертными. Они только на время затуманивают умы безумной жадной жаждой новых наслаждений и приключений... Влюбляются, разводятся, мечтают, размножаются, болеют и умирают. Торопятся жить. Так и не успев понять, что торопиться то было незачем и некуда.

– Пойдёмте, Иванов... Вам здесь уже нечего терять и приобретать. Ваша миссия завершена. Можно и домой...

Пятеро демотиваторов оставались безучастными, равнодушными свидетелями процедуры. Откуда было взяться в них человеческим чувствам. Просто обычный финал очередной командировки. Служение.

– Изобразим это, как самоубийство. Тело будет оставлено здесь профессионально и правдоподобно. Немного свежей крови не помешает, плюс ваши отпечатки на оружии. Боли не ощутите. И вам уже пора на Совет... Прощайте..

Разговорчивый Дух, выполнял служение отработанно. Чай был допит. Говорить далее стало не о чем.

– Хочу покурить перед Советом. Там уж точно подымить не придётся, – вяло пошутил Иванов.

– Это можно. Курите, и в Путь, – одобрил старший... – Только без этих лишних романтических пауз. – Он достал из сумки чёрный ствол, снял с предохранителя и передёрнул затвор.

Дух Странника приготовился к освобождению. Ни радости, ни печали не было. Просто работа. Просто у каждого своё служение. Тело – материал временный, заменяемый и теперь совсем не нужный.

Глушителя у пистолета не было. Да и зачем глушитель, когда на улице ещё всю гремят праздничные фейерверки, рвутся петарды. Субботняя ночь и гуляния. А кто устал, тот уже крепко спит. А если кто и не спит, то за праздничными столами не поймут, что выстрел был иного рода.

До 3 часов осталось четыре минуты.

Иванов раздавил окурок прямо о крышку стола.

– Пора, поехали... – Иванов не шутил, хотя его фраза и прозвучала иронично, как у космонавта Гагарина.

– Жаль вот только, что с Мартышкой и Женским Котом не попрощался, – подумалось вдруг с грустью. – Ну, да ладно, в Путь...

Это было последним, о чём подумалось на Земле. Выстрел резко оборвал работу мозга...

Молниеносно обстановка сменилась. Приятная и знакомая лёгкость. О теле можно с радостью забыть.

Семь Советников парят полукругом. Перед ними расположился прозрачный постамент с дымящейся чашей.

Это и есть служебный Дух, срочно отозванный из командировки по распоряжению Высшего Совета. Дух теперь не имел ни имени, ни названия, ни плотной формы, ни даже ясных очертаний. Ничего, это просто пар, просто работа. Только временный номер азимута вибраций №2834 383 864.

– Ваши предположения, в какую новую форму вас уплотнят и в какую местность теперь командируют для несения дальнейшей службы? – Советник смотрел прямо, спокойно, уверенно. Этим вопросом он явно хотел удостовериться, что длительное пребывание в команди-

ровке среди примитивных человеческих биосистем никак не повредило разумности и осознанности служебного Духа.

– Разве это имеет какое-то значение для Совета? Для меня нет. – Дух действительно не имел никаких предположений. Казалось, ему действительно было абсолютно всё равно.

– Тогда попрошу вас в следующий раз исполнять распоряжения и инструкции по Внедрению строго согласно Уставу Конвенции. Зачем было так расслабляться на подопытной планете? Эти ваши странные отношения с местными особями женского пола, хотя тело было выдано вам лишь для служебных целей. Берегите инвентарь.

– Учту и постараюсь оправдать доверие.

– Хорошо. Совет сегодня уже утвердил назначение вашей новой командировки. Также утверждена и новая форма вашего бытия. Время и точное место высадки получите завтра, после рассвета. В письменном виде. Там же прочитаете новые задания, инструкции по безопасности и маршруты передвижения по планете номер 142571 под рабочим именем Земля.

– Опять Земля?!?! – Дух застыл на пару секунд, и затем вновь начал плавно парить над чашей.

– Верно. Опять Земля. Правда, совсем другое время, другое задание и другое плотное тело. Хорошего вам отдыха перед новым Служением. Удачи вам и до встречи...

Совет медленно растворился в пустоте. Решения не обсуждаются и не изменяются.

До отправки на службу оставалось чуть меньше суток. Странник и Вождь, давно уже не видевшие друг друга из-за командировок в разные места, наконец-то смогли встретиться и побыть у Рута дома. В покое и уюте.

Может быть для приличия или ради удобства напялили на себя старые костюмы из домашнего гардероба Странника, хоть и слегка поношенные, но зато по виду вполне похожие на плотные материальные тела. И теперь тепло и задушевно беседовали.

Спешить было некуда, да и незачем, старые друзья развалились в креслах у камина и тихо разговаривали. Как бы ни о чём.

– Я тут табачок контрабандный с Земли по случаю раздобыл. Будешь, Вождь? Когда ещё свидеться то удастся?

– Ладно. Давай свою отраву, штрафник. А ты не изменился, Рут. – Приятельски улыбнулся Индеец.

– Можешь хоть всю жизнь менять свои убеждения, одежды, места, тела, занятия, вещи, мысли, знания – от этого жизнь другой не станет. – Также дружески ответил Странник с доброй усмешкой.

– Можешь слушать десятки мудрых учителей и разных мастеров, которые в действительности сами только ещё вылупляются из ума и ни в чём глубоко не разобрались. Можешь ходить на собрания разных странных людей или попробовать найти истину во всех церквях. Или в книгах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.